

В. Г. Графский²

ПРАВОВЫЕ И ДРУГИЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ РАЗЛИЧНЫХ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ КУЛЬТУР В ОБЕСПЕЧЕНИИ ВЗАИМНОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ

1. Правовые возможности в обеспечении уважительной взаимной терпимости традиционно уже много веков используются и в известной мере гарантируются природным общежительным назначением права как долговечно существующего и результативного искусства доброго и справедливого (*ars boni et aequi* — формула классического римского правоведения) и как институционализированного воплощения требований упорядочивающей законности и справедливости.

В настоящей статье внимание акцентируется на требованиях законности и справедливости, получающих воплощение во множестве социально-общежительных институтов и традиций. Наиболее рас-

пространенной формой правового воздействия на ход и разрешение конфликтных ситуаций и процессов обычно становится правовой обычай или закон, а также решения авторитетных официальных судебных инстанций. К этой же разновидности регулятивного воздействия традиционно относят сходные по целям решения неофициальных, чаще всего неформальных (в данном случае — третейских), судебных учреждений. Сюда же (с известными оговорками) причисляются согласованные оценки и мнения авторитетных и легитимных политических и государственных лидеров, заключения и рекомендации комиссии экспертов, комментарии публицистов.

Современное право существенно увеличило пространство своего институционализированного воздействия в рамках не только внутригосударственного употребления, но и международного регионально-го и универсального регулирования. Международное универсальное право охватывает своим влиянием практически все существующие государства, а региональное международное право — только некоторые и специально регламентируемые союзные объединения государств (право европейское, евразийское, латиноамериканское и др.).

2. Институциональные ресурсы смягчения крупномасштабной и в силу этого обстоятельства так или иначе политизированной конфликтности обеспечивались в истории чаще и дольше всего путем ориентации на толерантность, пробуждаемую и поддерживаемую при помощи актуализации богатейших приемов

² Главный научный сотрудник, заведующий Сектором истории права, государства и политических учений Института государства и права РАН, доктор юридических наук, профессор. Автор более 270 научных публикаций, в т. ч. 10 монографий, а также статей: «Государство и технократия: историко-критическое исследование», «Бакунин: из истории политической и правовой мысли», «Политические и правовые взгляды русских народников», «Правовое общение в прошлом и настоящем», «Интегральная юриспруденция: актуальный и все еще незавершенный проект», «Право как результат применения правила законной справедливости»; «Концепция государства законности и правового государства в их возникновении, соотношении и современном состоянии», «Правовое общение в прошлом и настоящем» и др.; учебников: «История политических и правовых учений», «Всеобщая история права и государства» и др. Член Научного совета по правотворчеству при Председателе Государственной Думы РФ. Член редколлегии журналов «Государство и право», «Право и политика», «Философия права» (приложение к журналу «Право Украины») и др. Награжден Почетной грамотой РАН.

и средств воздействия на убеждения и поведение людей, в первую очередь религиозных, которые более всего уверены в спасительной роли веры, а также людей с навыками и традициями определенной этнокультурной общности. Многие из этих приемов и средств остаются закрепленными в обычаях и традициях данной этнической группы или ряда групп и одновременно в правилах и обычаях вновь возникающих или специально мобилизуемых учреждений культуры общения (общения официального и неофициального, в том числе поддерживаемого неправительственными общественными организациями).

3. Пути и средства преодоления конфликтных драм и идейно-политических противостояний в современном обиходе сильно усложнились. Наиболее употребительными и относительно легко узнаваемыми остаются политические средства, прежде всего официальные дипломатические и публично-правовые, мирные и немирные, массовые и групповые. Однако на этом пути возникает несколько препятствий, из которых наиболее очевидными являются естественные и искусственные препятствия. Первое препятствие — элементарное политическое невежество, которое открывает путь для всевозможных своекорыстных манипуляций неопределенного числа заинтересованных групп, в демократиях — для правящей элиты, заинтересованных олигархических группировок и т. п.

В конце XIX века Г. Моска констатировал возникновение относительно новой социополитической тенденции, подлежащей необходимому учету в процессе оценки любой крупномасштабной конфликтной ситуации, — что современная олигархия склонна прикрываться демократическими ритуалами, но порой не удерживается и демонстрирует свой истинный облик безо всякого стеснения.

Другое распространенное препятствие, изрядно искажающее восприятие существующей ситуации, связано с излишне и односторонне пристрастным либо с излишне пренебрежительным отношением ко всему происходящему на глазах наблюдателя. Это обстоятельство настолько привычно для повседневного обихода, что редко фиксируется специальной терминологией, адекватной для критического анализа и надлежащих приемов и средств воссоздания истинной картины происходящего. Иллюстрации к предлагаемому обобщению узнаваемы в ситуациях, зафиксированных, к примеру, в репликах героев двух известных кинофильмов. «Почему у меня грустный вид?» — вопрошает Марианна из фильма Жана-Люка Годара «Безумный Пьеро» (1965). — «Потому что ты говоришь со мной словами, а я воспринимаю тебя чувствами». Героиня из фильма Дэвида Линча «Твин Пикс» (1990) аргументирует второе обобщение: «Я провела некоторые исследования. В реальной жизни алгебра не нужна».

Дэвиду Рокфеллеру приписываются такие слова: «Мир готов идти к мировому правительству. Наднациональная верховная власть умственной элиты и банкиров мира более предпочтительна, чем национальное самоопределение, практиковавшееся в прошлые столетия». Каковы следствия такой позиции для гражданина России или Украины, а равным образом для Индии или

США? Они довольно незавидные — быть под постоянным контролем и подвергаться при этом манипулятивной обработке со стороны служителей правительственной организации правящего сверхменьшинства банкиров и наемных интеллектуалов. Для таких служителей, как и для их хозяев, все названные страны предстают в очень усеченном восприятии и измерении — как место временного или постоянного обитания и одновременно как пространство для всевозможного извлечения доходов и сверхдоходов.

Из двух существенных свойств права как правила надлежащего, постоянного и результативного регулирования общения людей и групп, именуемых законностью и справедливостью, наиболее известна и наименее сомнительна законность. В учебном истолковании законность подразумевает такие атрибуты правила правового назначения, как постоянство и неизменность, а также длительность действия лиц по кругу и в определенном пространстве, и некоторые другие. Однако взятые каждый в обособленном проявлении и ситуативном своеобразии эти свойства выглядят уже не столь определенными и неизменными. Если к их характеристикам прибавить неустранимое влияние различных факторов внутреннего или внешнего происхождения, то картина еще больше усложнится. Именно этим обстоятельством можно объяснить столь редкое в сегодняшнем обиходе многоаспектное и междисциплинарное восприятие права и его атрибутов, а также растолкование и одновременно практическое употребление результатов такого анализа.

Поясим сказанное примерами. Философы права издавна полагали, что действие закона должно быть столь же неизбежным и неустранимым, как смерть для человека (Монтескье), или как восход и заход солнца. Такому умственному настрою отдавали предпочтение и представители правительственной власти в государстве. Достаточно взглянуть с этой точки зрения на девизы некоторых королей и правящих династий или республиканских режимов.

4. Наиболее частыми случаями недопонимания и недооценки являются проблемы, связанные с соотношением законности и легитимности (эта проблема отчасти перекликается с более философским по природе и назначению вопросом о соотношении права и закона), а также с проблемой уяснения масштабности и влиятельности происходящих событий и процессов. При этом дополнительную трудность создают нахождение и применение необходимых и наиболее действенных приемов и средств смягчения большемасштабной и пристрастной конфликтности и надлежащее их использование. Здесь вновь возникают задачи, связанные с выбором традиционных или изобретаемых приемов и средств замирения конфликтности. Все жизненно важные социальные институты (семья, собственность и др.) воспринимаются их пользуетелями и наблюдателями как традиционные, хорошо упорядоченные и легитимные, будучи напрямую связанными с повседневными навыками и обычаями.

То же самое можно сказать и о принципах-требованиях законности и справедливости, которые имеют распространение среди племен и народов от седой

древности вплоть до наших дней. Так, в средневековом обиходе памятна формулировка ст. 39 Великой хартии вольностей (1215), где провозглашается, что ни один свободный человек не будет арестован или лишен имущества иначе, как по приговору суда равных или по закону страны. Столетьем раньше в Хартии короля Генриха I, обращенной правителем к верным баронам, приводится формула о необходимости в случае выкупа королевской земли вассалом внесения за нее «справедливого и законного релъефа». Здесь же говорится о применении меры «справедливой законности» к тем или иным правонарушителям, в частности к пойманным фальшивомонетчикам.

Средневековая по времени начального употребления формула о законности судебного приговора затем перекочевала в современное конституционное и процессуальное законодательство под названием формулы о надлежащей законной процедуре (*due process of law*). Об этом говорится в V и XIV поправках к действующей Конституции США. Схожая преемственность существует и между формулами, в которых перечисляется перечень важнейших и неотчуждаемых прав, в конституционных документах США и Японии. Речь идет о естественных и неотчуждаемых правах в форме права на жизнь, свободу и стремление к счастью, помещенных в Декларации независимости США 1776 года и в ст. 13 ныне действующей Конституции Японии.

Эти и сходные положения нашли воплощение в тексте Всеобщей декларации прав человека, принятой ООН 10 декабря 1948 года, где в ст. 10 и 11 говорится что «каждый человек для определения его прав и обязанностей и для установления обоснованности предъявленного ему уголовного обвинения имеет право на основе полного равенства на то, чтобы его дело было рассмотрено гласно и с соблюдением всех требований справедливости независимым и беспристрастным судом» и что «каждый человек, обвиняемый в совершении преступления, имеет право считаться невиновным до тех пор, пока его виновность не будет установлена законным порядком путем гласного судебного разбирательства, при котором ему обеспечиваются все возможности для защиты».

Другое направление использования законности и справедливости связано с обеспечением толерантности, которая становится первоочередной проблемой внутригосударственного и межгосударственного характера. О сложности и актуальности этой проблемы в современном мире было сказано в Декларации принципов толерантности, принятой Генеральной конференцией ЮНЕСКО в ноябре 1995 года. В ней говорится о том, что государства — члены Организации Объединенных Наций, участвующие в конференции по вопросам образования, науки и культуры, испытывают «чувство тревоги в связи с участвующими в последнее время актами нетерпимости, насилия, терроризма, ксенофобии, агрессивного национализма, расизма, антисемитизма, отчуждения, маргинализации и дискриминации по отношению к национальным, этническим, ре-

лигиозным и языковым меньшинствам, беженцам, рабочим-мигрантам, иммигрантам и социально наименее защищенным группам в обществах, а также актами насилия и запугивания в отношении отдельных лиц, осуществляющих свое право на свободу мнений и выражение убеждений, представляющими угрозу делу укреплению мира и демократии на национальном и международном уровнях и являющимися препятствиями на пути развития...» Здесь же провозглашается возможное идеальное состояние толерантности как «гармонии в многообразии». Однако до момента достижения этого состояния еще далеко.

5. Если обратиться к обсуждению возможных путей и средств приближения такого момента с помощью общегосударственных и иных организационных усилий, то общая картина согласно Декларации принципов толерантности выглядит следующим образом. На государственном уровне воплощение принципов толерантности требует справедливого и беспристрастного законодательства, соблюдения правопорядка и судебного-процессуальных и административных норм. Толерантность также требует предоставления каждому человеку возможностей для экономического и социального развития без дискриминации. В обеспечении этих целей и задач необходим тщательный анализ и учет тех происходящих или уже произошедших и необратимых перемен, которые характерны для современной стадии социальной (и иной) эволюции, имеющих непосредственное отношение к толерантности как желаемому общественному состоянию.

Эти перемены уже стали достоянием современной политической науки и социальной психологии, но не азбучной истиной для правоведения. Напомним об одной из них. В обсуждении многих проблем социального и политического свойства необходимо учитывать, что современное массовое общество не является однородным или сверхаморфным образованием, но тем не менее становится сильно фрагментированным и мозаичным вследствие возросших манипулятивных возможностей прежде всего массовых коммуникаций (газеты, радио и особенно телевидение). Все это приводит к возникновению новой ситуации, при которой становится возможным превращение соперничества политических партий в соперничество политических, прежде всего избирательных, технологий, затрагивающих своим влиянием устойчивые либерально-демократические режимы. Назовем, в частности, политический режим, названный «электоральной диктатурой» (лорд Хэлшем, 1970-е гг.). Все перечисленные изменения создают новые специфические задачи для налаживания политического режима властвования и управления на началах законности и справедливости. Вряд ли достаточно обсуждения этих новаций только в аудитории специалистов-правоведов, без учета и заинтересованного участия представителей других общественных дисциплин, среди которых сегодня особенно велика роль совместных и плодотворных усилий политологов, социологов, культурологов, историков и филологов.